ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертационной работе Г.Д. Гумба«Этнокультурные и миграционные процессы в Центральном Закавказье в Iтыс. до н.э.», представленнойна соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 всеобщая история и 07.00.07 этнография, этнология и антропология

Древняя история народов Кавказа, в том числе и этнология, и археология, всегда была предметом дискуссии ученых, особенно населения центральной части его (Кавказа) южной стороны, по своему физико-географическому положению представлявшей собой перекресток дорог международного значения.Дискуссия эта продиктована естественным стремлением проживающего в ней народаутвердитьсебя в статусе автохтонного населения, следовательно,и к признанию его мировым сообществом в качестве такового.

Российский этнолог, академик РАН Сергей Арутюнов на недавно прошедшей телепередаче на вопрос журналиста относительно понятия «собственно кавказские народы» ответил примерно следующим образом: «По данным исторических, филологических и иных гуманитарных наук мы, армяне, и грузины не являемся коренными народами Кавказа. Коренные народы Кавказа – это, с одной стороны, абхазо-адыги, с другой – нахо-дагестанцы». Несомненно, он опирался при этом на известные труды Иванэ Джавахишыили, Отара Джапаридзе, Вячеслава Иванова, Сергея Старостина и других крупных ученых.Естественно, он пользовался и этнологическим материалом, с которым он как классный специалист хорошо знаком, да и сам собирал его.

В той или иной степени данное мнение господствует и в соответствующей главе нашумевшей книги Шалвы Инал-ипа«Вопросы этнокультурной истории абхазов», вышедшей в конце семидесятых годов минувшего столетия,из-за чего он стал гонимым со стороны партийной элитысоюзной республики, в которую мы, абхазы, входили на автономных правах. Нет сомнения в том, что клеймо «националиста» или даже «невежды» ждет и автора данной диссертацииот современных грузинских историков и даже не историков.

Древняя история или этнология центральной части Южного Кавказа не была еще специального и комплексного монографического исследования. Поэтому исследование абхазского ученого Гурама Д.Гумба – первая ласточка в историко-этнологическом кавказоведении. Свидетельствомтому – структура его изложения, начиная с ведения и

четырех глав, каждая из которых состоит из ряда параграфов, кончая заключением, в котором четко излагаются соответствующие научные выводы.

Во введении диссертации автор обосновывает неоспоримость актуальности темы, показывает степень её изученности и, цель, задачи, предмет исследования, его хронологические рамкии теоретико-методологическую основу. Все они подкрепляются большой базой источников, представляющих, главным образом, древнеармянскую и древнегрузинскую письменные традиции, а также материалы археологии, этнологии, фольклора, лингвистики.

Научная новизна исследования скромно сводится автором к перечислению основных его положений. Но, на мой взгляд, вся диссертацияесть сама новизна, поскольку тема, которой она посвящена, исследуется методом специального и всестороннего подхода к предмету как таковому впервые в истории / этнологии.

Впервой главе – «Древнейшее население центральной части Южного Кавказа», включающей в себя пять параграфов, рассматривается широкий комплекс вопросов. Это историко-географическое понятие «Центральная часть Южного Кавказа», картина этнической ситуации, которая имела место здесь обыкновение на рубеже последних тысячелетий до нашей эры. В ней особо выделяетсяэтноним «хоны». Авторобозначает этническую действительность его носителей, а также границы проживания последних. Далее вэтой главе даются также исторические сведения и лингвистические материалы о цанарах, бунтурках и других этнических образованиях Центральной части Южного Кавказа, в соответствии с древнеписьменными источниками.

Вторая глава посвящена переселенческому движению больших групп людей, произошедшему в течение VII – VI столетий до н.э. по направлению Юг – Север. В тот конкретный период времени конечным пунктом их прибытия являлась та самая земля, о которой идет речь в исследовании диссертанта, которая ныне больше известна как Восточная Грузия. Здесь исследуется также исторические предпосылки событий, вынудивших мигрантов покинуть место своего прежнего проживания. В ходе исследования автор выявляет в литературе редко встречающиеся или вовсе не встречающиеся этнонимические единицы, связанные как с переселенцами, так и теми, кто их вынудил бежать в сторону центрального Кавказа. Здесь указаны и маршруты, по которым в свою очередь шло передвижение известных в кавказской истории этнических образований: цанов, фасианов, таохов, халибов, колхов и др. Один из них пролегал по черноморскому побережью, другой – по реке Кура на восток. Диссертант не обходит и этнической принадлежности тех этнических образований, о которых идет речь в данной главе. С большойдолей вероятностиразносторонних фактов, приводимых в

диссертации,он опровергает мнение тех грузинских историков, которые видят в грузинскую принадлежность подавляющего большинства из них.

Третья глава диссертации – «Падение Ахеменидской империи и новая волна иммиграции племен в центральный район Южного Кавказа на рубеже IV – III вв. до н.э.». Она имеет три параграфа, в которых автор рассматривает всевозможные письменные (главным образом, древнегрузинские, персидские, греческие, арабские армянские) и археологические памятники истории, свидетельствующиео пребывании в центральную область Южного Кавказа грузинских этнических образований с райновБлижнего Востока. Позже они стали известны под этнонимом картов / картлийцев, или иберов / иверов.

Развивая версию о причинах и времени проникновения в центральную область Южного Кавказа далеких предков восточных грузин, Г.Д. Гумбаплавно приводит на «нет»концепцию грузинского историка-епископа XI века Леонтия Мровели об «автохтонности картлицев на Кавказе и ихместе в семье кавказских народов», впервые выдвинутую им в сочинении «Жизнь картлийских царей».Для этого Г.Д.Гумба использует весь арсенал знаний, которые, как видно, онобогатилне только историко-этнологическими фактами, но и методом логического осмыслениямеющегося под рукой материала.

Четвертая, заключительная глава диссертации посвящена этнополитическим образованиям, бытовавшим в центральной части Южного Кавказа на протяжении Ітысячелетия до н.э. Разбитаона на четыре параграфа. Если конкретно, то в них в качестве проблем изучения выступают саспиры Геродота, культ Армази, образование Картлийского царства, происхождение царского рода Парнавазианов, этнополитическая ситуация в указанном регионе Кавказа в III – II веках до н.э. На первый взгляд кажущиеся разнородными, проблемы эти являются составными частями его (региона) исторического развития.

Здесь, в этой главе диссертации, диссертант выявляет все подводные камни, которыми полны сообщения, сделанные втрудах отдельныхгрузинских историково том, что этническое образование, саспиры, локализовавшееся по Геродоту между Колхидой и Мидией, являлось одним из этнических подразделений грузин.

Еще более интересной представляется концепция диссертанта и о культеАрма / Армази, но боле подробно о ней будет изложено несколькими строками ниже.

В данной главе диссертации совершенно иначе, по новому, толкуется полумифическая, полуисторическая фигура Парнаваза и его генеалогическое древо. Диссертант выдвигает свое категорическое несогласие и с армянской историографией, по которой этноним хайк объединяет урартов и армян, и начальный период истории Армении начинается с хуррито-урартов, соответственно, урартские цари – армянские цари. И так

далее, и так далее – множество проблем, которые рассматриваются здесь, как и во всей диссертации, на базе большого материала, почерпнутого из дисциплин гуманитарного направления.Все они по праву сводится к одному большому знаменателю: на земле центральной части Южного Кавказа явствует этнический субстрат нахо-дагестанцев, точно также, как на Западном Кавказе – абхазо-адыгов. Повторюсь, для этого автор перелопатил огромное количество древней и современной научной литературы, как собственно исторической, так и археологической, и этнологической, а так же филологической, особенно языковедческой и фольклорной, которые служат ключом к решению проблем исследования.

Что интересно, в диссертации невозможно выделить ни одной главы как показательной. Все они одинаково насыщены новыми положениями, отличающимися большой информативностью. Чтобы я не оказался в роли голословного адвоката автора, в ком он совершенно не нуждается, приведу хотя бы три примера, которыми и заключу свое выступление.

1. Пытаясь опровергнуть вышеуказанную конструкцию Мровели, Г.Д.Гумба приводит фольклорный материал, который в то далекое время бытовал в самом грузинском обществе. «Мровели при конструировании своей исторической концепции, помимо письменных источников, широко пользовался и устными преданиями родственных урартам нахских и, возможно, дагестанских племен. Кроме того, определенная часть южно-нахских племен была ассимилирована грузинами… Древние предания об урартской эпохе (таким образом – В.Б.) были унаследованы грузинами от нахов», – пишет он. Мровели использовал их «в качестве опоры для создаваемого мифа», – убеждает Г.Д.Гумба.

2. Дальше – больше. Г.Д.Гумба, возражая окаменелому отстаиванию грузинских ученых на том, что малоазийский культ луны Арма / Армаз был привнесен в центральную часть Южного Кавказа (Картли) грузинскими племенами мушками / мосхами, Г.Д.Гумба укрепляет свое мнение: «Если даже и допустим гипотетическую связь мушков / мосхов с древнегрузинскими племенами, то нет абсолютно никаких данных, которые свидетельствовали бы о почитании… мушками / мосхамилувийского божества луны Армас. Напротив, ... верховным богоммушков / мосхов являлось Солнце… Остается необъяснимым, почему, установив свое господство в Картли, мушки / мосхи оставили собственного верховного бога Солнца и стали поклоняться лувийскому божеству луны (Арма). Тем более, что высшим культом населения Картли, как и всего (региона – В.Б.) в Iтыс. до н.э. был культ бога солнца. Бог луны выступал в

качестве верховного бога у древнегрузинских племен и носил имя Мориге…. Бог Армаз отсутствует в древнегрузинском пантеоне (богов — В.Б.), а имя Армаз вообще неизвестно в (грузинской – В.Б.) народной традиции…». Это чисто этнологический прием.

З.Г.Д.Гумба не ставит точку на этом, он продолжает доказывать свою правоту и лингвистическими материалами: «Имя Армаз является производным словом от слов *ал* и *маз* (алмаз / армаз), где *ал* переводится как пламя…, а маз / мзе – солнце, т.е. получаем пламя солнца или солнечное пламя огня. Хотя, наверное, более правомерно было бы отнести компонент *ал* к хуррито-урартско-нахскому *ал* (урартское *алай*, хурритское *аллаи*, нахское*ала*), означающим бог, повелитель, владыка, т.е Алмаз / Армаз – бог солнца. Отсюда появляется основание рассматривать имя (теоним – В.Б.) Армаз / Алмаз как вариант Малх (бог солнца) – имени официального верховного бога нахского раннегосударственного объединения».

В диссертации встречаются еще более веские и неопровержимые примеры лингвистического порядка, как бы вперемежку с этнологическими данными. Вот один из них, который бьет прямо в десятку:«Исследователями (Ю.И.Абуладзе, Г.В.Церетели) высказано предположение, что древние персы Иберию / Грузию называли Гурканией (страной волков) а иберов / грузин – гирканами (горг)… Нет данных, которые достоверно свидетельствовали бы о том, что волк является тотемом древнегрузинских племен…Античные авторы отчетливо различают гирканов и иберов / грузин, а по Дионисию гирканы были автохтонным населением (Центральной части Южного Кавказа – В.Б.) до прихода иберов / грузин,с которыми они вступили в войну… Гирканами (гурджами – В.Б.) древние авторы… называли нахские племена, известные в древнегрузинских источниках как хоны, бунтурки. Свидетельства исконности и развитости культа волка и связанных с ним обрядов у нахов довольно многочисленны и весьма убедительны ...Так, ритуал облачения в волчью шкуру», который совершался и совершается до сегодняшнего дня в религиозной жизни нахов, – свидетельство тому. Налицо преемственность традиции на протяжении тысячелетий. Вот так – не больше, не меньше.

Напрашивается традиционный вопрос: «Есть ли в диссертациинедостатки»? Есть – типа незначительных стилистических несовершенств или подкрадывающихся повторений. Но они настолько незначительны, что на фоне больших и мощных волн разносторонней научнойинформации, на которой основывается диссертация сначала до конца,

остановиться на них – нет смысла. Единственное, с чем я не согласен Гурамом Гумбой, – это его приверженность к привычному для нас географическому названию объекта изучения. То есть понятие «Закавказье»– сугубо русская традиция, корни которой уходят во времена Российской империи. Миру этот регион земли известен как Южный Кавказ.Но, естественно, это тоже не повлияет на достоинство диссертационной работы Гурама Гумбы, вне всякого сомнения, выполненной на высоком уровне.

Не могу не отметить еще один большой плюс: Гурам Гумба, который в своей многолетней исследовательской деятельности обычно ограничивался проблемами истории средневековой Абхазии, вышелна общекавказскую научную арену. В частности, тем самым он ответил и на вопрос «Разыскания…» современных грузинских ученых относительно этногенеза абхазского народа, точно также как поступил профессор Станислав Лакоба поновой отечественной истории из далекой Японии, в одном из университетов, которой он работал в свое время. По сути, разница между ними лишь в том, что первый ответилкак бы завуалированно, второй, наоборот – прямо и гласно.

Все, что отмечено и проанализировано мною выше, дает мне право сделать следующий вывод:

Докторская диссертация Гурама Джотовича Гумба «Этнокультурные и миграционные процессы в Центральном Закавказье в I тыс. до н.э.» – большой вклад в историко-этнологическое кавказоведение.Она представляет собой самостоятельное научное исследование, которое полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, и его автор заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальностям 07.00.03 всеобщая история и 07.00.07 этнография, этнология и антропология.

Доктор исторических наук, профессор АГУ,
ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований АНА,
заслуженный деятель науки РА
заслуженный работник высшей школы РА **ВАЛЕРИЙ Л. БИГУАА**

5.05.2022.